

Выжженные черные деревья постепенно уступили место сочной зелени леса, и с ветвей донеслось звонкое щебетание птиц — одна за другой, они нарушали долгую тишину. В воздухе больше не чувствовалось гари и тлена, напротив, повеяло неповторимой свежестью трав и деревьев вперемешку с утренней росой. Стоило вдохнуть полной грудью, как на душе становилось легко и радостно.

У дороги даже появился тонкий ручеек, чья вода была прозрачна до самого дна. Он неторопливо журчал, огибая горные камни и издавая переливчатые звуки, похожие на веселую песенку. Вэнь Чжиюй не удержалась, подбежала к ручью, опустила на корточки и коснулась воды рукой. Ледяная просвежность заставила ее тихо рассмеяться:

— Какая чистая вода! Даже чище того родника, что мы пили в дороге!

Гу Юньхао шел с внешней стороны, по-прежнему молча охраняя остальных. Время от времени он протягивал руку, чтобы отвести в сторону раскидистые ветви и расчистить идущим позади ровную дорогу. Су Цинъя шагала рядом с Вэнь Чжиюй, то и дело напоминая той смотреть под ноги, чтобы случайно не поскользнуться. Хуа Чжао и Цин У шли бок о бок посередине. Шаги их были легкими, а на душе — все светлее по мере того, как вокруг пробуждалась жизнь.

Без злых духов, что докучали им на пути, без терзавшей душу злобы эта дорога с гор выдалась на редкость спокойной и безмятежной.

То останавливаясь, то продолжая путь, они прошли около часа, когда вдалеке среди горных лесов вдруг забрезжил тонкий столбик дыма от очага. Вслед за дымком послышалось смутное тьяканье собак — тихая и мирная картина.

Все пятеро переглянулись, и в глазах каждого читалась радость.

Вэнь Чжиюй первой не выдержала и тихо воскликнула:

— Деревня! Впереди и правда живут люди!

Су Цинъя тоже мягко улыбнулась:

— Похоже, нам повезло, и мы наконец нашли место, где можно разузнать новости.

Гу Юньхао слегка кивнул, его голос звучал ровно и уверенно:

— Будьте осторожны. Здесь на вид тихо, давайте приближаться медленно, чтобы не потревожить местных жителей.

Хуа Чжао посмотрела на струйку дыма, поднимавшуюся среди зеленых гор, и ее сердце легко

встрепенулось.

Хотя след оборвался, дорога все равно продолжала вести вперед.

Быть может, эта затерянная в зеленых горах старинная деревушка подарит им новую надежду.

Пятеро путников немного ускорили шаг и по узкой лесной тропинке неспешно направились туда, откуда поднимался дымок. Окруженные зелеными горами, журчанием ручьев и мягким утренним светом, они чувствовали, как накопившаяся за дорогу усталость и растерянность постепенно растворяются в мирной суете человеческого жилья.

Рассвет набирал силу, утренний туман в горах медленно рассеивался, и бледно-золотые лучи солнца проникали сквозь листву, рассыпая пятнистые блики по извилистой горной тропе. Пятеро путников неторопливо спускались вниз. Растительность становилась все пышнее и зеленее, воздух наполнялся ароматом влажной земли и полевых цветов, и усталость от многодневных странствий казалась смытой этой чистой свежестью.

Прошагав около часа, они наконец увидели укрытую среди зеленых холмов и извилистых рек тихую старинную деревню. Серо-голубые черепичные крыши громоздились в беспорядке, аккуратными рядами выстроились бревенчатые дома, а над ними поднимался ввысь вьющийся дымок. У входа в деревню раскинулись несколько исполинских древних деревьев с узловатыми ветвями: под ними неспешно прогуливались дворовые куры, а лениво развалившаяся желтая собака дремала на солнце. Царила безмятежная и мирная идиллическая картина — полная противоположность мертвой и безлюдной пустоши Тяньмяо Цзэ, что осталась позади.

Вэнь Чжияй глубоко вздохнула, ее напряженное лицо вмиг разгладилось, а на губах заиграла легкая, мягкая улыбка:

— Наконец-то мы встретили людей! Как здесь спокойно и уютно, просто замечательно.

Су Цинъя слегка кивнула, ее взгляд был мягким и сосредоточенным:

— Давайте войдем не спеша, ни в коем случае не тревожа сельчан. Расспросим их о прошлом Тяньмяо Цзэ — возможно, удастся найти зацепки о печатях и бедствии.

Гу Юньхао по привычке шел с краю отряда, распрямив спину и глядя по сторонам острым взглядом — он неизменно сохранял бдительность, подобающую практику. Цин У же незаметно приблизилась к Хуа Чжао, слегка приподняв руку, чтобы в любой момент прикрыть ее собой. В каждом ее движении читалась безмолвная забота.

Стоило пятерым ступить на деревенскую землю, как сидевшие под древним деревом и болтавшие старики со седыми волосами невольно бросили взгляд на лицо Хуа Чжао — и в тот же миг все они замерли на месте.

Деревенская окраина, где еще мгновение назад шумел разговор, погрузилась в абсолютную тишину, казалось, даже ветер перестал дуть.

Одна седовласая согбенная старушка медленно поднялась, опираясь на ствол дерева. Ее помутневшие, слезящиеся глаза уставились прямо на Хуа Чжао, впалые губы неконтролируемо задрожали, а мутные слезы хлынули из глаз без всякого предупреждения, непрерывно катясь по испещренным морщинами щекам.

Услышав шум, из домов потянулись другие жители. Когда их взгляды упали на Хуа Чжао, на лицах каждого отразилось предельное потрясение. Кто-то резко прикрыл рот рукой, безуспешно пытаясь сдержать тихие рыдания, у кого-то подкосились ноги, и они помимо воли опускались на колени, желая отвесить земный поклон.

— Похоже... Слишком похоже...

— Это же госпожа Богиня Цветов... И правда лицо госпожи Богини Цветов...

— Вы наконец вернулись... Мы ждали вас тысячу лет...

Прерывистые всхлипывания и возгласы изумления сливались в единый хор. Во взглядах, устремленных на Хуа Чжао, смешались предельный трепет, радость обретения утраченного, а также сдерживаемые тысячелетием тоска и боль.

Хуа Чжао растерялась от столь внезапного приема. На сердце у нее тревожно сжалось, и она невольно прижалась к плечу Цин У, а в ее чистых глазах читались замешательство и растерянность. Она никак не могла взять в толк, почему эти незнакомые деревенские жители при виде нее так потеряли самообладание и горько плачут.

Цин У тут же нежно сжала ее прохладную руку — ладонь девушки излучала уверенное и успокаивающее тепло, — а затем тихо утешила:

— Не бойся, пока я здесь, никто тебя не обидит.

Су Цинъя поспешно шагнула вперед, обратившись к собравшимся вежливым и мягким тоном:

— Уважаемые сельчане, мы — проходящие мимо практики, у нас нет дурных намерений. Мы лишь хотим расспросить вас о былом в Тяньмяо Цзэ.

Однако казалось, что местные жители не слышат иных слов. Все взгляды по-прежнему были прикованы к Хуа Чжао, а по щекам продолжали катиться слезы.

Та самая старушка дрожащей походкой подошла ближе и сухими, похожими на ветки

пальцами осторожно обхватила запястье Хуа Чжао. Ее ладонь была грубой, но теплая, она источала безграничную нежность и благоговение.

— Дитя, не бойся, не бойся... Идем скорее к нашему старейшине, только он сможет поведать тебе всю правду, только он откроет тебе, кто ты на самом деле.

На душе у Хуа Чжао царил полная растерянность, но в глубине души поднимался смутный и знакомый трепет, словно каждая травинка, каждое дерево и каждый житель этого места были связаны с ее происхождением неразрывными узами.

Она слегка кивнула и в окружении толпы сельчан медленно направилась вглубь селения. Всю дорогу не смолкали плач, вздохи и шепот. Она чувствовала себя случайной странницей, забредшей в обитель судьбы, но при этом чувствовала с этим местом самую кровную связь.

Погружайтесь в мир жанра сюаньхуань и романтики — вы обязательно найдете книгу по душе.

В окружении почтительных и взволнованных сельчан пятеро путников прошли мимо аккуратных деревянных домов по узкой тропке из синего камня прямо в самое сердце селения. Постройки дышали древностью: деревянные стены согревало солнце, а под карнизами висели сушеные травы и мелкие цветы, повсюду проявляя благоговение перед природой.

Здесь стоял особо строгий и старинный деревянный дом, заметно выше остальных. На балках и столбах были вырезаны древние цветочные узоры, а у входа красовались две потрескавшиеся каменные звериные фигуры. В воздухе витал легкий, умиротворяющий и священный аромат духовной энергии, совершенно не похожий на все прочие места. Жители деревни из поколения в поколение охраняли это место, оберегая не просто селение, а нерушимую тысячелетнюю веру.

— Это Зал старейшин нашего рода, место, где почитают Богиню Цветов и принимают важные решения. Лишь самые почтенные гости и наследники чистой крови имеют право ступить сюда, — почтительно склонив голову, промолвила старушка, и в ее голосе звучало глубочайшее благоговение. — Мы выросли на преданиях о Богине Цветов Фу Юй, с детства молились ей и приносили дары, не смея выказать и малейшего неуважения.

Она протянула сухую руку и тихо толкнула тяжелую деревянную дверь, петли которой издали глухой скрип.

— Дитя, прошу, входи. Старейшина ждет тебя уже очень давно.

Хуа Чжао глубоко вздохнула, подавляя бушевавшие в груди эмоции, и шагнула внутрь.

Деревянная изба оказалась небольшой. Внутри царил мягкий приглушенный свет, в воздухе витал легкий аромат сандала, а на центральной стене висел древний свиток. Его края уже

слегка пожелтели и истерлись, но краски оставались четкими, а фигуры — словно живыми.

На картине была изображена облаченная в простое белое платье женщина. Ее легкий, подобный бабочке стан, мягкие, словно вода, брови и глаза источали едва уловимую жизненную силу, а с кончиков пальцев будто бы срывались распускающиеся цветы — вылитое божество цветов, сошедшее с небес в мир смертных.

Слева от изображения старомодным и размашистым почерком красовались два иероглифа — Фу Юй.

В тот самый миг, когда взгляд Хуа Чжао упал на портрет, она словно была поражена громом. Девушка замерла на месте, не в силах пошевелиться.

Стоявшие позади Вэнь Чжиюй, Су Цинъя и Гу Юньхао синхронно вытаращили глаза.

На их лицах застыло выражение крайнего изумления.

Черты лица изображенной на холсте Богини Цветов Фу Юй, изгиб переносицы, линия губ и даже мягкое выражение слегка опущенных глаз на семь-восемь частей походили на лицо Хуа Чжао — они словно были отлиты по одной форме. Если бы не совершенно иные одежда и эпоха, каждый бы решил, что на картине запечатлена сама Хуа Чжао, стоящая посреди комнаты.

Вэнь Чжиюй резко прикрыла рот рукой и недоверчиво выдохнула:

— Э-это же... невероятно! Просто одно лицо! Наша младшая сестрица...

Су Цинъя слегка втянула воздух, ее глаза были полны шока и внезапного прозрения:

— Дело не просто в сходстве, их аура исходит из одного источнике... Сила Жизненной Энергии в ее теле полностью совпадает с остатками божественной силы на этой картине.

Гу Юньхао инстинктивно сжал рукоять меча, его лицо стало суровым и сосредоточенным: он ясно чувствовал, что от портрета исходит древняя и необъятная сила, которая тесно резонирует с душой Хуа Чжао.

Хуа Чжао ошеломленно стояла перед портретом, ее сердце колотилось как безумное, а в голове было пусто.

Только сейчас она по-настоящему поняла, почему деревенские так потеряли себя и расплакались при первой встрече.

Они вовсе не поддавались сиюминутному порыву — они чтили ее из поколения в поколение и ждали из века в век. С детства слушая легенды о Фу Юй, с детства молясь ее образу и запечатлевая веру в глубине сердец, они просто не могли не потерять контроль, увидев ее воочию.

Оказывается, она вовсе не была одинокой сиротой без поддержки.

Оказывается, непостижимая сила в ее теле, выпавшие на ее долю преследования и странная дрожь в сердце — все это не было случайностью.

Оказывается, само ее существование, сама ее судьба были давным-давно предрешены и описаны в финальном ответе на этой тысячетлетней картине.

В этот момент из внутренних покоев донеслись легкие и размеренные шаги.

Седовласый старец с бородой до груди и ясными, пронзительными глазами неторопливо вышел из глубины дома.

Его взгляд упал на Хуа Чжао. В нем читалось глубокое смятение: восторг, жалость, сострадание и тоска, которую подавляли целую тысячу лет.

Шаг за шагом старейшина подошел к Хуа Чжао, остановился и долго, молча всматривался в ее лицо.

В избе царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь тихим дыханием и биением сердец. Хуа Чжао чувствовала себя неуютно под этим взглядом, ее руки невольно сжались в кулаки, кончики пальцев побелели, а сама она едва дышала. Цин У надежно стояла рядом, слегка касаясь ее плечом и безмолвно оказывая самую прочную поддержку, а ее взгляд по-прежнему был прикован к девушке с нескрываемым намерением защитить.

Долгое, долгое время старейшина хранил молчание, после чего медленно заговорил. Его голос звучал хрипло и старчески, но в нем дрожало сдерживаемое волнение:

— Похоже... Невероятно похоже... Точь-в-точь, ни единой черты не изменилось...

Эта фраза упала в тишину подобно огромному валуну, брошенному в гладь озера, мгновенно взбудоражив всю толпу.

Стоявшие у входа деревенские жители, не смевшие своевольно заходить внутрь, вытянули шеи. Когда они собственными глазами увидели сходство Хуа Чжао с портретом, то больше не смогли сдерживать накопившиеся за тысячелетия эмоции.

Эти люди испокон веков жили здесь, росли на преданиях о Богине Цветов Фу Юй, с детства кланялись ее образу и впитывали милость богини с кровью и плотью. Увидев теперь перед собой человека, в точности похожего на легенду, они потеряли всякое самообладание.

— Правда! Это реинкарнация Богини Цветов!

— Точь-в-точь! Сходство на семь-восемь частей, это абсолютный подлинный корень крови Богини Цветов!

— Наш род ждал тысячу лет, надеялся тысячу лет, и наконец дождался Вашего возвращения...

Сельчане залились слезами. Кое-кто пал на колени прямо там, где стоял, почтительно склоняясь в земных поклонах. Звуки челобитий сливались воедино, разносясь по всей деревне. Все взгляды, устремленные на Хуа Чжао, выражали предельный трепет, почтение и благоговение, словно перед ними предстало сошедшее с небес божество.

Вэнь Чжиюй тихо ахнула:

— Младшая сестрица, ты оказывается... реинкарнация Богини Цветов Фу Юй... Это просто непостижимо.

Су Цинъя мягко кивнула, а в глубине ее глаз промелькнуло понимание:

— Неудивительно, что ее Сила Жизненной Энергии столь чиста и безупречна. Неудивительно, что раса демонов преследовала ее всю дорогу — вот в чем крылся корень.

Гу Юньхао помрачнел и глухо произнес:

— Ноша, которую она несет на себе, куда тяжелее, чем кто-либо из нас мог представить.

Хуа Чжао ошеломленно стояла на месте, в ее голове свистел ветер, а тело будто оцепенело.

Богиня Цветов Фу Юй... Реинкарнация... Родословная... Бедствие...

Эти чуждые и тяжелые слова обрушились на нее всей тяжестью, едва позволяя сделать вдох.

Прежде она считала себя самой обычной круглой сиротой, владеющей неподвластной ей силой, что вынуждена была бежать и отчаянно искать правду о своем происхождении.

Но лишь теперь она осознала, что с самого рождения ее плечи были обременены небывалой судьбой и надеждами всех живых существ на этой земле.

Старейшина медленно поднял руку, призывая взволнованных сельчан к тишине.

Глядя на Хуа Чжао со смесью сострадания и нежности, он заговорил, и его голос разнесся по округе:

— Дитя, ты — переродившаяся Богиня Цветов Фу Юй, последняя надежда этого мира.

— Во времена древнего бедствия демоническая ци бушевала повсюду, а простые люди страдали невыносимо. Богиня Цветов использовала собственную душу как нить, насильственно запечатав источник катастрофы. Перед тем как ее душа рассеялась, она потратила последние силы, чтобы оставить крошечную каплю первородной крови, направив ее в круговорот перерождений в ожидании возвращения спустя тысячелетие.

— И ты — та самая капля крови. Ты — Фу Юй, ты и есть сама Богиня Цветов.

Хуа Чжао остолбенело слушала его слова, а слезы сами собой катились из глаз, капая на воротник платья.

Оказывается, она никогда не была одинока.

Оказывается, само ее существование было долгожданной встречей сквозь тысячелетие, скрепленной ценой жизни.

С этого момента она больше не безродная сирота, а вернувшаяся с тысячелетней надеждой переродившаяся Богиня Цветов.

Все те годы скитаний, все те ночи страха и тревоги в этот миг наконец обрели пристанище.

Весть о возвращении переродившейся Богини Цветов разнеслась по каждому уголку старой деревни подобно весеннему ветерку.

На входах в селение, у переулков и под крышами домов прежде тихое селение мгновенно ожило. Мужчины и женщины, старики и дети — все светились долгожданной радостью и волнением. Они бегали друг к другу с покрасневшими глазами, перешептываясь голосами, полными невыразимого трепета и ликования.

— Госпожа Богиня Цветов вернулась! И впрямь вернулась!

— Точь-в-точь как на картине, это истинное перерождение Богини Цветов!

— Мы ждали тысячу лет и наконец дождались возвращения госпожи!

Радостные возгласы, всхлипывания и взволнованный шепот слились воедино, и вся деревня погрузилась в атмосферу праздника по случаю обретения утраченного сокровища.

Без лишних указаний каждая семья принялась за дело по собственной воле. Кто-то бросался в дома, доставая зерно и свежие фрукты, хранившиеся годами; кто-то бережно извлекал из погребов вяленое дичь и выдержанное медовое вино; другие выносили чистые столы, стулья, чашки и палочки для еды, тщательно протирая их и расставляя на места. А несколько искусных мастериц навали самых свежих ветвей с цветами и принялись быстро сплести их в красивые, источающие тонкий аромат венки, чтобы поднести их той самой Богине Цветов, которую они ждали целое тысячелетие.

Не прошло и часа, как на площадке перед Залом старейшин выстроились длинные ряды деревянных столов, тянувшиеся один за другим. На них пестрели горячие блюда, сочные дикие фрукты, сладкие и мягкие пирожки из злаков, золотистые и хрустящие орехи, а также чаши с чистым, сладковатым медовым вином, источающим легкий цветочный аромат. Ни одно из угощений не отличалось роскошью, но в каждом крылись самые искренние, благоговейные и чистые помыслы местных жителей.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в теплые оранжево-красные тона. Лучи заката падали на деревню, покрывая деревянные дома, длинные столы и толпу людей мягким сиянием.

Все жители деревни от мала до велика чинно и тихо стояли возле столов. Никто не притрагивался к еде раньше времени и не шумел. Каждый взгляд, устремленный на Хуа Чжао, был полон нежности и благоговения — люди встречали воссоединение, на ожидание которого ушла целая тысяча лет.

Старейшина поднял чашу с прозрачным вином, выпрямил спину и заговорил старческим, но исполненным силы голосом:

— Тысячу лет назад Богиня Цветов пожертвовала собой ради спасения мира и защиты нашего рода. Тысячу лет спустя она переродилась и вновь ступила на землю людей. Ныне все жители нашей деревни подготовили это скромное угощение в знак нашего глубочайшего почтения, дабы приветствовать возвращение госпожи Богини Цветов!

Едва он умолк, как все сельчане дружно склонились в поклоне, и их стройные, благоговейные голоса прокатились по всей округе:

— Приветствуем возвращение госпожи Богини Цветов!

Стоя среди толпы, Хуа Чжао почувствовала, как защемило в носу, а глаза вновь заволокла влага.

Пройдя через скитания, одиночество, бегство, ночуя под открытым небом и трепеща от страха,

она никогда не думала, что настанет день, когда найдется место, где ее сочтут светом, надеждой и самым дорогим существом на свете.

Цин У непоколебимо стояла рядом. Повернув голову, она легко взглянула на девушку, и в ее глазах читались неизбывная нежность и покой — безмолвное заверение в том, что она рядом.

Вэнь Чжияй, Су Цинъя и Гу Юньхао тоже улыбались с мягкостью, искренне радуясь за нее.

Хуа Чжао слегка шмыгнула носом, сдерживая подступающие слезы, и слегка поклонилась в ответ собравшимся.

Она не произнесла громких речей, но в этот момент царившие в ее душе смятение и тревога постепенно рассеивались, растапливаемые окружающим теплом.

Оказывается, на этом свете и впрямь существует уголок, созданный специально для нее.

Оказывается, в этом мире и вправду есть люди, которые ждали ее целую тысячу лет.

Легкий вечерний ветерок принес ароматы трав, цветов и аппетитных блюд, согревая сердца.

Этот простой, но величественный пир был не просто приветствием Богини Цветов со стороны сельчан — для самой Хуа Чжао он стал моментом, когда она после долгих лет странствий впервые по-настоящему ощутила тепло домашнего очага.

Ночь тихо опустилась на старую деревню. Дневная суeta и волнение утихли, и селение погрузилось в безмятежный сон. Лунный свет, словно вода, мягко озарял разномастные крыши, придавая серой черепице и деревянным окнам серебристый оттенок. Ветер шелестел листвой, разнося ароматы растений, и все вокруг казалось мирным и умиротворенным.

Хуа Чжао сидела в комнате одна, но спать ей совсем не хотелось. Слова старейшины, поклоны сельчан и знакомое лицо на древней картине вновь и вновь проносились в ее голове, не давая успокоиться. Она подняла руку и легко коснулась собственной щеки — прохладные кончики пальцев ощущали лишь все еще нереальную растерянность.

Переродившаяся Богиня Цветов, тысячелетнее ожидание, надежда всех живых существ...

Прежде она и помыслить не смела о столь тяжелых вещах, а теперь они всем грузом легли на ее плечи.

Она всегда считала себя бесприютной сиротой, что с трудом борется за выживание среди преследований и побегов, даже не зная собственных корней. И вот теперь завеса тайны приоткрылась, но от этого ей стало лишь тоскливее. Она не знала, сможет ли вынести этот груз

ответственности, сможет ли завершить миссию, которую тысячелетие назад не успела выполнить Богиня Цветов, и тем более не ведала, какие опасности и невзгоды поджидают ее впереди.

Цин У беспокоилась о ее состоянии и несколько раз останавливалась у двери, но в конце концов не стала входить, чтобы не беспокоить ее. Она знала, что сейчас Хуа Чжао нуждается в тишине и времени, чтобы принять все случившееся, а все, что оставалось самой Цин У — это молча стоять на страже за дверью, служа для нее самой надежной опорой.

Сколько она просидела в тишине, оставалось неясным, но сонливость постепенно стала одолевать ее. Хуа Чжао прислонилась к оконной раме, ее веки отяжелели, сознание затуманилось, и в конце концов она погрузилась в сон.

На этот раз она не погрузилась в зловещую тьму и тревогу — вместо этого ее окутало бескрайнее и мягкое белое сияние.

<http://bllate.org/book/20121/1989477>